

**«У НЕСЧАСТНОГО НАРОДА НЕТ ОТЕЧЕСТВА»:
О ЗНАЧЕНИИ РЕЧИ «О ПРОДОВОЛЬСТВИИ»
(29 НОЯБРЯ 1792 г.) В ЭВОЛЮЦИИ
МИРОВОЗЗРЕНИЯ СЕН-ЖЮСТА**

Сен-Жюст излагает вопрос фундаментально, во всех его политических и нравственных аспектах; он выказывает ум, горячность и философию и делает честь своему таланту, защищая свободную торговлю.

П. Ж. Бриссо [1, р. 133]

Единственный оратор, доставивший мне некоторое удовольствие на трибуне, это Сен-Жюст. Его речь свидетельствует о хорошем слоге, диалектике и дальновидности. Когда он станет зрелым благодаря размышлениям и откажется от мишуры, он станет мужем; это — мыслитель. Он очень хорошо, хотя и слишком пространно, показал, что мы еще далеко не свободны, что источником всех зол, терзающих нас, является наш эгоизм, наши пороки, что если мы не примем предосторожностей, свобода станет для нас лишь тягостным сном, который закончится тяжким пробуждением.

Ж. П. Марат [2, с. 186]

В исторической памяти о Великой французской революции период правления якобинцев ассоциируется не только с Большим террором, но и с насильственным вмешательством властей в экономическую сферу; с политикой максимума цен и максимума заработной платы. При этом характерно, что те, кто судит об их политике с точки зрения экономического либерализма, как бы само собой подразумевают, что проводилась она в полном соответствии с общими представлениями якобинцев о том, на каких основаниях должно быть преобразовано современное общество; те же, кто осуждает их «слева», как правило, указывают на так сказать политическую конъюнктурность предпринятых мер и на недостаточность их для подлинного решения социальных проблем тогдашнего общества.

Среди якобинских лидеров более других уделял внимание социально-экономическим проблемам Луи Антуан Сен-Жюст. Именно он являлся и инициатором наиболее радикального в этой области законодательного решения якобинского Конвента — так называемых вантозских декретов, принятых 26 февраля и 3 марта 1794 г. (8 и 13 вантоза II года Республики), согласно которым предполагалось использовать имущество, принадлежавшее врагам революции, для удовлетворения нужд неимущих патриотов. Не затрагивая здесь вопроса о том, являлись ли вантозские декреты действительной программой решения социального вопроса или же представляли собой лишь политический маневр¹, следует обратить внимание на то, что в личных заметках, относящихся примерно к этому же времени, Сен-Жюст о политике максимума высказывается весьма критично: «Первая мысль о таксации пришла к нам извне, принесенная бароном де Батцем: это был проект голода» [5, р. 294]. Современным читателем такая позиция воспринимается как двойственная, противоречивая, и для того чтобы попытаться интерпретировать эту двойственность, необходимо обратиться к более раннему периоду, когда Сен-Жюст впервые приступил к анализу экономических проблем современной ему Франции.

21 сентября 1792 г. в зале Манежа открылось первое заседание Национального конвента. Самым молодым из его депутатов оказался Луи Антуан Сен-Жюст, избранный от департамента Эна (часть бывшей провинции Пикардия).

Первое время он только внимательно наблюдал. Первое его выступление в качестве депутата состоялось 22 октября в Якобинском клубе при обсуждении вопроса о создании департаментской стражи вокруг Конвента, направленной против революционного Парижа. Первое же выступление Сен-Жюста с трибуны Конвента 13 ноября по поводу суда над «бывшим: королем французов» сделало его имя известным всей стране.

Второй раз Сен-Жюст поднялся на трибуну Конвента 29 ноября во время дискуссии по продовольственному вопросу. Положение

¹ Дискуссия по этому вопросу продолжается уже не одно десятилетие (см., напр., [3]; из новейших французских работ см. [4]).

было действительно серьезным. Несмотря на хороший урожай цены на зерно увеличились в среднем более чем в полтора раза по сравнению с предреволюционным периодом, причем отмечались значительные колебания цен между департаментами [6, с. 30]. Соответственно поднялись цены и на другие товары. Главной причиной вздорожания жизни была непрерывно растущая инфляция: к осени 1792 г. курс ассигнатов упал уже более чем на 40 % [7, с. 134]. В этих условиях землевладельцы и крестьяне, обладавшие запасами зерна, не были заинтересованы в его немедленной продаже: одни ожидали стабилизации курса, другие прямо рассчитывали на его дальнейшее понижение; на этом же наживались многочисленные оптовые поставщики. Кроме того, при несовершенстве и нестабильности государственного аппарата необходимость прокормить огромную сражающуюся армию породила множество спекулянтов-поставщиков, перепродававших хлеб для вооруженных сил Республики по взвинченным ценам, что также увеличивало ажиотаж. Введенные в сентябре реквизиции продовольствия для армии еще более подорвали хлебный рынок. Интересы буржуазии и хлебопроизводителей все в большей степени сталкивались с интересами беднейшей части населения, выступавшей в качестве потребителей хлеба. Первые отстаивали завоеванное с начала Революции право свободной торговли, вторые требовали возврата к регламентации хлебной торговли. И те, и другие требования неоднократно звучали с трибуны Конвента [8, с. 316-438].

Второе выступление Сен-Жюста в Конвенте — его речь «О продовольствии» 29 ноября 1792 г. — произвело на современников впечатление если и не столь яркое, то все же не менее сильное, чем его первое появление на трибуне Собрания при обсуждении судьбы «бывшего короля французов». Речь эта «сразу же создала ему репутацию государственного деятеля» [9, с. 85]. Она удостоилась высокой оценки со стороны двух столь различных политических деятелей, почти антагонистов, как Жан-Поль Марат и Жак-Пьер Бриссо. Отзвуки этой речи можно услышать также и в выступлениях и петициях более позднего времени [10, с. 80].

Однако историки долгое время не уделяли этой речи должного внимания. Прошло более ста лет со времени Революции, когда Жан Жорес приступил к работе над своей «Социалистической историей». И он был явно поражен гениальной прозорливостью самого молодого из депутатов Конвента, разглядевшего грядущие, еще более тяжкие кризисы, к которым вела проводившаяся правительством политика. Основное значение речи Сен-Жюста Жорес увидел в глубине и широте данного им анализа социально-экономического положения Франции [8, с. 429-436]. Но лишь еще более полувека спустя она стала предметом специального анализа. Правда, и Ш. Мишале и М. Лутфала [11, р. 151-201; 12, р. 240-255]¹ основное внимание уделили проблемам сугубо экономическим, анализу инфляции в этой речи, а также в других произведениях Сен-Жюста: об этом свидетельствуют уже сами названия их статей (Мишале даже утверждает, что когда бы ни касался Сен-Жюст экономических проблем, говорил он почти исключительно об инфляции [11, р. 153]).

Сен-Жюст, хотя и не употребляет такого слова, действительно много говорит об этом явлении, особенно в речи «О продовольствии». Чрезмерный выпуск бумажных денег он считает тем «общим пороком, который расшатал основы торговли и сельского хозяйства» [16, р. 74], причиной дороговизны продуктов. Происходит это потому, что в обращении находятся денежные знаки, представляющие как стоимость продуктов, так и стоимость пущенных в продажу земель («национальных имуществ») ², в то

¹ Внимания отечественных историков речь Сен-Жюста «О продовольствии» практически не привлекала. Большинство авторов [3; 13; 14] лишь отмечают верность данного Сен-Жюстом анализа социально-экономического положения Франции, призывая не смешивать его взгляды даже в это время со взглядами сторонников экономического либерализма — жирондистов. Больше внимания уделяет этой речи А. В. Гордон [15, с. 376-379].

² Первоначально ассигнаты представляли собой пятипроцентные ценные бумаги, которые должны были приниматься в уплату только при продаже «национальных имуществ» и были выпущены для обслуживания государственного долга; однако уже к концу 1790 г., находясь в свободном обращении, они фактически превращаются в бумажные деньги.

время как они должны соответствовать лишь произведенным продуктам [16, р. 76-77]. Он предсказывает, что если будут проданы имущества эмигрантов — а под эту продажу будут выпущены новые ассигнаты, — то произойдет новое повышение цен [16, р. 83]. В то же время он делает точное наблюдение: бумажные деньги, в отличие от золота, не накапливают — и в этом он усматривает одну из причин того, что хлеб не поступает на рынок—земледельцы не хотят копить бумагу [16, р. 79]. Правда, Сен-Жюст не видит различия между законами обращения бумажных денег и металлических, говоря порой об избытке «знаков и золота» [16, р. 82], но показательно, что именно в избытке «знаков», т. е. бумажных денег, он видит основной порок современной экономики. И глубина его анализа такова, что позволяет ему, перейдя в своих пророчествах границу ближайшей реальности, нарисовать изумительную картину неведомого и глубокого потрясения, которое, благодаря избытку обесцененных бумажных денег, проникнет во все отношения общественной жизни [8, с. 432]. «То, что стоит теперь экю, через полтора года, при условии продолжения теперешнего порядка вещей, будет стоить 10 ливров; будет сфабриковано приблизительно 200 миллионов разных денежных знаков ... Народные стенания раздадутся тогда в портиках храма законов; здание вашего законодательства будет потрясено мятежом нужды; ... у государства не останется даже средств на печатание денег, ценность которых сведется к нулю. А с обесцененными знаками мы не сможем с честью выйти из своей задолженности ... Из недр народных страданий выйдет отомщенная и победоносная тирания» [16, р. 82]. «Это мрачное пророчество оправдается, когда крайнее обесценение ассигнатов, общая нищета и анархия проложат путь военной диктатуре», — писал Ж. Жорес [8, с. 437]. К проблеме чрезмерного выпуска бумажных денег Сен-Жюст впоследствии возвращался неоднократно, видя в них огромное зло, подрывающее основы Республики, и в то же время в своих миссиях он неизменно прилагал максимум усилий для стабилизации их курса, для того чтобы они «имели хождение наравне с серебром» [17, р. 293], как того требовали условия текущего момента.

Однако значение речи «О продовольствии» не исчерпывается анализом, пусть и весьма глубоким, чисто экономических проблем. Нарушение денежного обращения роковым образом сказалось на положении всех социальных групп, составлявших бывшее третье сословие Франции — крестьян-земледельцев, ремесленников, торговцев, — и проведенный Сен-Жюстом анализ происходящих перемен также отличается глубиной и широтой.

Наибольшие, пожалуй, потрясения переживала хлебная торговля; чрезвычайно осложнились отношения крестьян-земледельцев с хлебным рынком: не желая накапливать «бумагу», крестьянин предпочитал сохранять зерно, вынося на рынок лишь небольшую «часть продуктов, необходимую для уплаты налогов» [16, р. 79], а это, в свою очередь, вело к еще большему обесцениванию ассигнатов и вздорожанию продуктов. Порочный круг замыкался. Но выход из него Сен-Жюст видит не в насильственных законах против земледельцев, не в том, чтобы заставить их продавать зерно, хотя бы они того или нет, как того требовала парижская беднота. По его мнению, «законодатель должен действовать так, чтобы земледелец больше тратил — или не испытывал отвращения к накоплению бумаги (т. е. ассигнатов — Сен-Жюст и в этой речи, и в других своих сочинениях систематически не желает употреблять применительно к ним слово «деньги», называя ассигнаты либо «бумагой», либо в лучшем случае «знаками» — *Т. Ч.*), для того чтобы все продукты поступали на рынок» [16, р. 79]. То есть действительно разрешить продовольственную проблему можно, лишь создав условия, равно благоприятные как для хлебопроизводителей-крестьян, так и для потребителей хлеба. И отсюда требование скорейшего принятия конституции, которая бы отвечала интересам всех, требование установить хорошее управление (*administration*) [16, р. 74, 80, etc.].

Пока же Сен-Жюст предлагает взимать все поземельные налоги натурой и собирать их в государственные хлебные склады [16, р. 84]. В свое время Луи Блан увидел в этой мере возврат к феодальным порядкам [18, с. 331], но представляется, что в действительности она являлась лишь необходимым средством

революционной эпохи. Мера эта была частично осуществлена значительно позднее — декретом от 9 августа 1793 г. «О складах избытка», предлагавшим (не обязывавшим!) граждан уплачивать налоги натурой — полностью или частично [19, с. 186]. Сен-Жюст же к этому времени пошел гораздо дальше: на том же заседании Конвента он внес предложение *обязать* всех землевладельцев, имеющих более 5 арпанов пахотной земли, под страхом наказания штрафом осуществлять поставки зерна для снабжения армии по ценам максимума. Размеры обязательных поставок, подобно суммам принудительного займа, должны были определяться размерами земельных владений и распределяться по принципу прогрессивного обложения [20, р. 589-590].

И все-таки, несмотря на большое сочувствие крестьянам, на достаточно хорошее знакомство Сен-Жюста с их нуждами, «земледельцы» предстают в этой его речи некой довольно однородной массой¹, в которой он не выделяет тех неимущих и малоимущих крестьян, которым урожая с их крохотного участка не хватало на то, чтобы прокормиться. И его предложение *продать* имения эмигрантов для погашения государственного долга² действительно противоречило требованиям значительной части крестьян, и в этом отношении ему действительно предстояло пройти еще долгий путь до его доклада 8 вантоза [22, с. 48-49]. Но то, с каким вниманием обращается Сен-Жюст к интересам крестьян в данной конкретной ситуации, еще раз свидетельствует не только о том, что общественный идеал его складывался под влиянием политической философии его времени, но и что сам выбор учителей был в значительной степени обусловлен той социальной средой, которая окружала его в предконвентский период, и следовательно, само развитие революции, весь последующий

¹ Не случайным представляется и систематическое использование им слова «laboureur» («пахарь»), обозначающего представителей крестьянской верхушки — своего рода промежуточную категорию между крупными фермерами и крестьянской массой, «полнонадельных».

² А то, что национальные имущества продаются (и будут продаваться) «очень дорого» [16, р. 84] Сен-Жюст знал отнюдь не понаслышке: летом 1792 г. он сам выступил в качестве приобретателя национальных имуществ, «служба делу Революции» [21, р. 61—69].

социальный опыт неизбежно должны были привести его к попытке практического осуществления эгалитарною общественного идеала¹.

Однако избыток денежных знаков, наряду с другими изменениями, происшедшими во французской экономике с начала Революции, поразил также торговлю и промышленность. Революция привела к резкому сокращению одной из традиционных и важнейших отраслей французской экономики — производства предметов роскоши; обесценение бумажных денег — к падению кредита. И Сен-Жюст в своей речи заявляет: «Говорят, что поденная плата ремесленника увеличивается пропорционально ценам на съестные припасы; но если у него нет работы, кто оплатит его праздность? Что делают теперь столько людей, средствами существования которых были привычки богача? Нищета породила

¹ В связи с этим небезынтересно проследить и прямое, непосредственное использование социального опыта предшествовавшего периода в образе общества будущего, нарисованном Сен-Жюстом в «Республиканских установлениях». В речи «О продовольствии» он сетует на то, что с распашкой общинных угодий сократилось поголовье скота, и говорит о необходимости гармонического сочетания земледелия и скотоводства [16, р. 81-82]; в «Республиканских установлениях» эта мысль повторилась в установлении обязательного разведения скота всеми землевладельцами в количестве, пропорциональном размерам земельной собственности [23, р. 233,238]. Но происхождение этой идеи у Сен-Жюста, несомненно, связано с наблюдавшимся им контрастом между обширными Пикардийскими равнинами, где уже сформировалось крупное фермерство капиталистического типа, где при интенсивной системе земледелия не осталось места для скотоводства, как не осталось для него достаточного количества общинных угодий, и где крупному богатому фермеру противопоставлена была основная масса населения, влачившая жалкое существование, и — с другой стороны — низменными речными долинами в той же Пикардии (а в одной из них расположен Блеранкур, где прошли детство и юность Сен-Жюста), где при сохранении значительного влияния общинных отношений сохранялась и относительная гармоничность социальной структуры [24, р. 350-356]. То, что представления о необходимости для крестьян наряду с земледелием заниматься также разведением скота связаны у Сен-Жюста с блеранкурской действительностью, подтверждается, в частности, его петицией в защиту открытых рынков Блеранкура (на которых продавали и покупали овец и шерсть), упоминаемой в его первом письме Робеспьеру 19 августа 1790 г. [25, с. 86], а также наличием в очень небольшой личной библиотеке Сен-Жюста в Париже руководства по разведению мелкого домашнего скота [26, р. 535].

Революцию, нищета может ее и погубить. Может ли зарабатывать на существование простым удовлетворением нормальных людских потребностей множество людей, еще недавно живших роскошью и пороками другого класса?» [16, р. 77-78]. В этих словах слышится отзвук зачитанной в Конвенте в начале ноября петиции рабочих Лиона: «Мы просим лишь работы, чтобы иметь хлеб ... Роскоши больше нет, и она оставила по себе страшную пустоту, но Лион сильнее, чем другие города испытал на себе последствия этого исчезновения» [8, с. 326]. Правда, Сен-Жюст говорит в своей речи о Париже, но говорит именно об этих проблемах¹.

Однако Сен-Жюст подходит к проблеме роскоши и с другой стороны, связывая ее с возможностью насытить рынок продуктами первой необходимости. Земледельцу нет надобности «продавать, чтобы жить на свои доходы», поэтому побудить его вывозить зерно на рынок может либо необходимость выплачивать налоги и арендную плату, либо потребности, выходящие за пределы простых и естественных. Потому-то Сен-Жюст, противореча демократической традиции, отказывается осуждать «роскошь пахаря» («Я не сужу о том, является ли роскошь сама по себе благом»). По его мнению, «если бы мы были столь счастливы, чтобы пахарь действительно любил роскошь, ему пришлось бы продавать свой хлеб, чтобы позволить себе излишества». А это значит, что «в Республике ... необходимо или допустить роскошь, или ввести жесткие законы против пахаря, которые погубят Республику» [5, с. 20]. Здесь Сен-Жюст как будто не выходит за пределы традиций экономического либерализма.

И если о земледельце говорил человек, вся жизнь которого прошла в сельской местности, достаточно хорошо знакомый с нуждами своих соседей-земледельцев, интересы которых он защищал в судебном процессе против съера Грене по поводу общинных земель Блеранкура [28, р. 225-229, 232-249], то как человек, всего лишь два месяца проведенный в Париже, он показал себя, говоря о ремесленниках, проницательным наблюдателем, способным многому научиться в ходе событий.

¹ Можно ли в этом контексте осудить Сен-Жюста за его неодобрение нападков на роскошь, как это делает В. Г. Ревуненков [27, с. 42-43]?

Сочувствие Сен-Жюста вызывает и разоряющееся купечество, в котором он видит одну из необходимых общественных сил. В том, что и промышленность, и торговля перешли преимущественно на удовлетворение нужд армии, он усматривает зло, еще более усугубляющее экономические трудности [16, р. 77-78,82]. Не менее серьезным было и положение в международной торговле. И здесь Сен-Жюст делает еще одно поразительное по глубине замечание: «Не думайте, что торговые народы Европы станут сочувствовать нам, видя наши восстания и нашу борьбу с воюющими против нас королями; нет, эти народы зорко следят за нами; наше хозяйство, наши финансы являются предметом их наблюдений, и в нынешнем нашем положении они с удовлетворением усматривают близость обессиления нашей торговли и раздела нашего наследия. Эти народы — наши враги, и будь мы более благоразумны, они объявили бы нам войну. Теперь же они воюют с нами посредством своего золота» [16, р. 78]. Он подчеркивает здесь экономические причины войны. «Казнь короля станет впоследствии для английского правительства не более, чем предлогом для разрыва отношений с Францией», — заметил по этому поводу А. Собуль [16], note d'A. Soboul. В дальнейшем экономические, торговые связи Республики станут для Сен-Жюста едва ли не главным, что будет определять отношение к гражданам других стран. Достаточно вспомнить его доклад о применении ко всем иностранцам предупредительных мер, принятых против англичан (16 октября 1793 г.): Сен-Жюст считает, что разрешение или запрещение торговых сношений с враждебными Франции государствами должно зависеть от того, какие товары традиционно ввозятся и вывозятся из этой страны, требуя «различного отношения в зависимости от различных интересов» [13. с. 16, 53, 67].

Ряд высказываний относительно принципа свободы торговли, прозвучавших в этой речи, послужил для некоторых историков поводом сблизить позицию Сен-Жюста осенью 1792 г. с экономическим либерализмом жирондистов. Действительно, едва поднявшись на трибу ну, он заявляет: «Я не симпатизирую законам, нарушающим свободу торговли» [16, р. 73]. Но отношение Сен-Жюста к этой проблеме настолько противоречиво, что произвольное цитирование может привести к диаметрально противополо-

ложным выводам. «Проят закона о продовольствии. Но положительный закон такого рода никогда не будет разумным (именно это высказывание стоило ему впоследствии, по словам Ш. Мишале, ярлыка либерала [11, р. 186]). Изобилие — плод хорошего управления, а у нас его нет» [16, р. 73-74]. «Напрасно говорить о свободе хлебной торговли, раз наши несчастья не происходят именно от недостатка этой свободы, или, вернее, раз этот недостаток проистекает сам от причины, на которую закрывают глаза» [16, р. 75] (т. е. от чрезмерного выпуска бумажных денег — Т. Ч.). «Те, кто предлагает вам неограниченную свободу торговли, изрекают великую истину, но в виде общего тезиса; между тем речь идет о страданиях революционного времени, речь идет о создании Республики посреди развалин монархии и ее преступлений» [16, р. 80].

Противопоставляя «нормальную» честную торговлю и спекуляцию, Сен-Жюст тоже как будто не вступает в противоречие с идеологами Жиронды (Верньо, Бриссо), известными как последовательные сторонники экономического либерализма, которые еще зимой 1791-1792 гг. выступали против финансовых спекулянтов и скупщиков, нарушавших естественные условия хозяйствования в стране, вызывавших недовольство народных масс (для предпринимательской буржуазии, интересы которой представляла Жиронда, нормой является спокойное, осуществляемое в условиях экономической стабильности накопление) [30, с. 180; 31, с. 88-91].

Но в отличие от них для Сен-Жюста *неограниченная* свобода торговли хороша лишь в качестве «общего тезиса» [5, с. 20], поскольку «наши продовольственные запасы исчезали по мере того как распространялась наша свобода, ибо мы увлеклись принципами свободы и пренебрегли принципами управления» [5, с. 18], «наша свобода — дочь нищеты», «нищета породила Революцию, нищета может ее и погубить» [5, с. 19], «все хотят Республики, никто не хочет ни бедности, ни добродетели. Можно сказать, что свобода ведет войну с моралью и хочет властвовать наперекор морали» [5, с. 20]. «Мораль» здесь — отнюдь не абстрактная категория: она «должна быть теоретической основой законов, прежде чем стать основой гражданской жизни ... Растворенная, так сказать, в

законах, она склоняет всех к мудрости, устанавливая справедливые отношения между гражданами» [5, с. 17]. Свобода, в свою очередь, «не может править государством, если отсутствует закон» [5, с. 21]. Свобода, в том числе экономическая, не является для Сен-Жюста уже в это время абсолютной и безусловной ценностью и сама должна подчиняться разумным законам, основанным на морали и природе, на принципах «независимости и сохранения» [5, с. 253-254], гарантией свободы фактически является равенство в возможности удовлетворять первоочередные потребности. Позиция его представляется значительно более близкой позиции Беффруа или Робеспьера, которые поставили право на жизнь выше права собственности [8, с. 420; 25, с. 128], нежели отстаивавшим неограниченную свободу хлебной торговли жирондистам. Заявив в самом начале, что ему «не по душе насильственные законы о торговле» [5, с. 16], Сен-Жюст на протяжении всей своей речи неоднократно подчеркивает, что «изобилие возникает благодаря совокупному действию всех законов» [5, с. 21]. По-видимому, можно сказать, что Сен-Жюст понимает принцип свободы торговли не как ничем не ограниченную экономическую свободу, а как свободу, управляемую разумными законами, что соответствует характерному для Просвещения представлению о свободе вообще, и уже в этой ранней речи он «выступает не столько против вмешательства государства в экономические дела, сколько против неэффективности частичных вмешательств» [8, р. 186]. Протестуя против насильственных законов о торговле, Сен-Жюст *субъективно* выступает в интересах не буржуазии, а крестьянства. Он хочет найти такие меры, которые способствовали бы решению продовольственного вопроса, не ущемляя при этом интересов крестьян-хлебопроизводителей.

Как уже было отмечено, анализ этой речи Сен-Жюста затрудняется тем, что она представляет собой не стройное систематическое изложение определенных взглядов, а скорее размышления вслух над встававшими перед революцией проблемами, попытку разобраться в ситуации, сложившейся к данному моменту, в той связи между экономикой и политикой, которая все явственнее заявляла о себе. Представляется, что связь

эту Сен-Жюст ощущал более остро, чем большинство его современников: «Монархия во Франции пала из-за недостатков своего экономического режима» [16, р. 74]. «Народ, не имеющий счастья, не имеет и отечества; он ничего не любит, и если вы хотите основать Республику, вы должны позаботиться о том, чтобы вывести народ из состояния неуверенности и нищеты, которые его развращают. Если вы хотите Республики, сделайте так, чтобы народ имел мужество быть добродетельным; без гордости нет патриотических добродетелей — нет гордости в нужде» [16, р. 75]. Имея в виду эту мысль, а также некоторые другие, высказанные Сен-Жюстом в речи «О продовольствии», Альбер Собуль и Морис Доманже говорят даже, что Сен-Жюст «предвосхитил некоторые идеи Маркса» [16, р. 74; 21, р. 180]. Мысль эта не была случайной в мировоззрении Сен-Жюста — она прозвучала, например, в его докладе 8 вантоза: «Считаете ли вы, что государство может существовать, когда гражданские отношения в нем противоречат форме его правления?» [16, р. 145] (гражданские отношения он понимает как «отношение их потребностей», см., например, трактат «О Природе, Гражданском состоянии...» [5, с. 264] — *Т. Ч.*), или когда он записывал в своем блокноте, что «для того чтобы реформировать нравы, необходимо удовлетворить потребности и интересы» [29, р. 515]. Однако перед нами скорее лишь гениальные догадки, высказанные на основании непосредственного наблюдения над самым широким кругом явлений общественной жизни, но не подкрепленные какой-либо теоретической базой.

Можно утверждать, что эта речь Сен-Жюста знаменует собой переход ее автора от несколько абстрактного теоретизирования в духе века Просвещения (как это было в «Духе Революции и Конституции во Франции» или в сочинении «О Природе, Гражданском состоянии и Гражданской общине, или Правила независимости управления») к постановке и попытке разрешения конкретных проблем общественной жизни Республики. И, надо сказать, в постановке проблем Сен-Жюст даже несколько опередил события — с особой остротой они встали перед Революцией лишь в начале весны 1793 г. Именно тогда, в феврале, раздаются в его

адрес резкие нападки со стороны «бешеных», добивавшихся введения максимума цен [28, р. 410—411]¹, и Сен-Жюст, задетый тем, что был упомянут в одной из петиций в невыгодном для себя свете, встретился с петиционерами, посоветовал им требовать общего закона и пообещал, если обсуждение вопроса будет отложено, взять слово и развить высказанные ранее мысли. Хотя в Конвенте, когда было произнесено его имя, он ограничился лишь оправданием [28, р. 410-411]. Однако сохранился черновик подготовленной, но не произнесенной им речи, относящийся к этому времени, в ней Сен-Жюст вновь и еще более детально анализирует природу поразивших Францию экономических бедствий и убедительно демонстрирует, что введение максимума в условиях продолжающегося выпуска бумажных денег приведет лишь к еще большему обострению ситуации на продовольственном рынке [32, р. 1-16].

И именно тогда, в начале марта, Марат, повторяя вывод Сен-Жюста о том, что главное зло — избыток бумажных денег, повторяет и его предложение об уплате государственного долга путем выдачи кредиторам краткосрочных долговых обязательств, принимая затем их в уплату при покупке национальных имуществ [33, р. 232-234; 34, с. 77].

Переходный и потому противоречивый характер речи «О продовольствии» проявляется и в том, что языком политической экономии Сен-Жюст пытается толковать о проблемах, относящихся скорее к сфере «моральной экономии».

Понятие «моральная экономия» было введено сравнительно недавно — в начале 1970-х гг. — английским историком Э. Томпсоном [35, р. 76-136], оно подразумевает систему общеправовых и моральных представлений, традиций и обычаев, сложившихся в процессе накопления народным сознанием социального опыта, ставящую во главу угла право человека на существование — в противоположность принципу неограниченной экономической свободы, на котором базируется классическая политическая экономия.

¹ Вероятно, именно этой запоздалой реакцией, а не только тем, что весной 1793 г. речь Сен-Жюста «О продовольствии» вышла отдельной брошюрой, объясняется ошибка Е. В. Тарле в датировке этой речи весной 1793 г., давно уже замеченная историками [3, с. 61; 3, с. 416].

Употребляя в речи «О продовольствии» ключевые положения политической экономии («Мне не нравятся насильственные законы о торговле» [5, с. 16], «Правильна та мысль, что свобода торговли — мать изобилия» [5, с. 17], «Те, кто предлагает нам неограниченную свободу торговли, высказывают великую истину» [5, с. 20] и т. п.), Сен-Жюст вольно или невольно именно к ним привлекает внимание своих слушателей или читателей. Даже Робеспьер, выступавший по продовольственному вопросу тремя днями позже, отнес его, не называя имени, к числу тех защитников неограниченной свободы торговли, на которых обрушил самую резкую критику [36, с. 128-129].

Переход к реальным проблемам не обошелся без потерь: за конкретными целями текущей политики в первое время, особенно в речи «О продовольствии», как будто стала теряться конечная цель — достижение эгалитарного общественного идеала, столь явственно, хотя и не вполне последовательно обозначенного в трактате «О Природе, Гражданском состоянии...» [37, с. 16-29]. Да и был ли этот идеал Сен-Жюста в предконвентский период чем-то большим, нежели не вполне определенная мечта об очень отдаленном будущем?

В речи «О продовольствии» на первый взгляд трудно вообще отыскать какую-либо связь с этой мечтой. В то же время эта речь Сен-Жюста очень диалектична, хотя диалектика его представляет собой не осознанный метод познания, а внутренне присущий ему способ мышления. Проявляется она и в анализе ситуации, и в стремлении учесть при решении продовольственной проблемы (и не только ее) противоречивые интересы различных социальных групп населения. Именно это стремление и дало повод, с одной стороны, для восторженного отзыва Бриссо осенью 1792 г., а с другой — для резкой критики в адрес Сен-Жюста со стороны крайне левых в феврале 1793 г. (критики, как мы могли убедиться, не вполне справедливой). Но в нем же, думается, заложена и возможность перехода к пониманию необходимости удовлетворить нужды беднейших (вантозские декреты, «Республиканские установления»), равно как и последующий поворот в сторону либерализации экономики в целях стабилизации отношений,

необходимой для упрочения Республики (декрет 27 жерминаля). Диалектично и представление Сен-Жюста о способах разрешения встающих перед Революцией проблем, отчетливое понимание им невозможности сделать это путем издания отдельных законов. Не раз говорит он о необходимости скорейшей выработки конституции, которая связала бы все интересы [16, р. 108], о необходимости хорошего управления [16, р. 74]. И если мысль о конституции определила в известной мере направление его деятельности на ближайшие полгода (участие в конституционной комиссии Якобинского клуба, собственный проект Конституции и, наконец, непосредственное участие в выработке Конституции 1793 г. в составе Конституционной комиссии Комитета общественного спасения), то необходимость дополнить ее хорошим управлением проявилась позднее — в докладе «О необходимости установления во Франции революционного порядка управления» и еще более в «Республиканских установлениях», представляющих собой своего рода программу необходимых преобразований и организации всей жизни Республики.

Таким образом, речь «О продовольствии», открывая одно из важнейших направлений политической деятельности Сен-Жюста, содержит как основные идеи, получившие дальнейшее развитие в его деятельности, так и основные противоречия, характерные не только для мировоззрения Сен-Жюста, но и в целом для якобинской диктатуры. Значение же речи Сен-Жюста для развития мировоззрения ее автора заключается в том, что глубина и диалектичность проведенного в ней анализа положения дел в Республике, поиск путей выхода из сложившейся ситуации приведут его в дальнейшем к попытке практического осуществления эгалитарного общественного идеала, сформировавшегося в общих чертах еще до избрания его в Конвент, на основании как идей Просвещения, так и собственных наблюдений общественной жизни Пикардии.

Литература:

1. «Le Patriote Française» 30 ноября 1792 г. // Hamel E. Histoire de Saint-Just. — P., 1859.

2. «Le Journal de la République Française» 1 декабря 1792 г. // Марат Ж. П. Избранные произведения : в 3 т. — М., 1956. — Т. 3.

3. Чупрун, Н. И. Сен-Жюст и вантозские декреты / Н. И. Чупрун // Из истории Якобинской диктатуры. — Одесса, 1962.
4. Gross, J. P. Egalitarisme Jacobin et Droits de l'Homme. 1793-1794 (La Grande famille et la Terreur) / J. P. Gross. — Arcanères, 2000.
5. Сен-Жюст, Л. А. Речи. Трактаты / Л. А. Сен-Жюст. — СПб., 1985.
6. Жорес, Ж. История Конвента / Ж. Жорес. — М.; Петроград, 1920.
7. Манфред, А. З. Великая французская революция / А. З. Манфред. — М., 1983.
8. Жорес, Ж. Социалистическая история Французской революции / Ж. Жорес. — М., 1979. — Т. III.
9. Матъез, А. Борьба с дороговизной и социальные движения в эпоху террора / А. Матъез. — М.; Л., 1928.
10. Петиция парижских секций, представленная в Национальный конвент 12 февраля 1793 г. // Захер Я. М. Великая французская революция : учеб. и хрестоматия. — 3-е изд. — Л., 1926.
11. Michalet, Ch. Economie politiques chez Saint-Just. L'exemple de l'inflation révolutionnaire /Ch, Michalet // Actes du colloque Saint-Just. — P., 1968.
12. Lutfalla, M. Saint-Just, analiste de l'inflation révolutionnaire / M. Lutfalla //Revue d'histoire économique et sociale. — 1966. — № 2.
13. Захер, Я. М. Сен-Жюст. Жизнь, деятельность, идеология / Я. М. Захер. — Петроград, 1922.
14. Серсбрянская, К. (Е. З.) Взгляды Сен-Жюста и их связи с философией XVIII века / К. (Е. З.) Серебрянская // Труды МИФЛИ. — Т. 6. — М., 1940.
15. Гордон, А. В. Иллюзии — реалии якобинизма / А. В. Гордон // Сен-Жюст Л. А. Речи. Трактаты. — СПб., 1985.
16. Saint-Just, L. A. Discours et rapports / L. A. Saint-Just; introd. et note d' A. Soboul. — P., 1977.
17. Gross, J. P. Saint-Just: sa politique et ses mission / J. P. Gross. — P., 1976.

18. Блан, Л. История Французской революции / Л. Блан. — Т. 7. — СПб., 1908.
19. Революционное правительство в эпоху Конвента (1792-1794) : сб. док. и мат-лов. — М., 1926.
20. Archives Parlementaires. De 1787 a 1860. — 1-ère série (1787-1799). — Т. LXX. — Р., 1906.
21. Dommanget, M. Saint-Just / M. Dommanget. — Р, 1971.
22. Лефевр, Ж. Аграрный вопрос в эпоху террора / Ж. Лефевр. — Л., 1936.
23. Les institutions republicaines de Saint-Just d'apres les manuscrits de la Bibliothèque Nationale // AHRF. — 1948. — № 111.
24. Abensour, M. La philosophie politique de Saint-Just. Problématiques et cadres sociaux / M. Abensour // AHRF. — 1966. — № 186.
25. Робеспьер, М. Переписка Робеспьера / М. Робеспьер. — Л., 1929.
26. Varst, G. Inventaires des bibliothèques de quatre condamnés / G. Varst // RF. — 1891. — Т. XXI.
27. Ревуненков, В. Г. Парижская коммуна 1792-1793 годов / В. Г. Ревуненков. — Л., 1976.
28. Saint-Just, L. A. Oeuvres completes / L. A. Saint-Just; ed. Ch. Velay. — Т. 1.
29. Saint-Just, L. A. Oeuvres completes / L. A. Saint-Just; ed. Ch. Velay. — Т. 2.
30. Гусейнов, Э. В. Жиронда и перспективные проблемы изучения Французской революции / Э. Е. Гусейнов // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции: мат-лы «круглого стола» 19-20 сентября 1988 г. — М., 1989.
31. Буржуазия и Великая французская революция. — М., 1989.
32. Un inédit de Saint-Just: le discours de fevrier 1793. Presente et commenté par Bernard Vinot // AHRF. — 1997. — № 307.
33. Marat, J. P. Textes choisies. — Р., 1975. — Р. 232-234.
34. Солтановская, Т. Г. Жан Поль Марат и «бешеные» весной 1793 г. / Т. Г. Солтановская // Вопросы новой и новейшей истории. — Вып. 23. — Киев, 1983.

35. Tompson, B. The Moral Economy of English Crowd in XVIII Century / E. Tompson // Past and Present. — 1971. — № 50.
36. Робеспьер, М. Избранные произведения : в 3 т. — М., 1965.
37. Черновверская, Т. А. К вопросу об эволюции мировоззрения Сен-Жюста / Т. А. Черновверская // 200 лет Великой французской революции. Французский ежегодник. 1987. — М., 1989.